

ТРЕТЬЯ СТИХИЯ

А.Н. АРБУЗОВ мыслит театром — репликами, монологами, действием, которое всегда погружено в специфически «арбузовскую» атмосферу... Если, допустим, он захочет написать роман — это, конечно же, окажется роман для театра.

Впрочем, почему «если»? Легко и приятно делать прощество «назад» — ведь именно роман для театра в двух частях «Виноватые» и поставил Театр имени Моссовета.

Виноваты, собственно говоря, не все действующие лица. Повествователь ни в чем не повинен. Старые да малые — Герасим Ермолаевич и Тоня с Егором тоже ни в чем пока не провинились. Кто, собственно, остается?

Хозяин дома — Леонтий Алексеевич Соколик (Г. Тараторкин) и таинственная женщина, стоящая на пороге этого самого дома, — Мария Васильевна (Г. Дашевская). Она войдет в дом, пусть как проходящая домработница, хотя не о таком она мечтает втайне даже от самой себя: она ведь мать, преступная, беглая, но мать хозяина...

Стоп! Где это звучал тост «за матерей, которые бросают своих детей»? И название было, не правда ли, похожее — «Без вины виноватые». Здесь убраны смягчающие слова, а так автор, кажется, напрямую намекает на сходство ситуаций?

Однако с Островским сходство чисто внешнее, самое что ни на есть отдаленное. Кручинина не виновата, а вообще-то кто уж без вины — так это дети...

Мария же Васильевна маленького сына когда-то оставила. Сама. Никто не вынуждал. Муж, видимо, любил ее почти без памяти. Но — вот пересекла ей дорогу роковая страсть, и ушла она от геолога к летчику.

Так мы попадаем в жесткий в своей определенности мир мелодрамы. Никаких упреков! Жанр как жанр, веками складывался, публика обожает, даже опыт и искушенность не могут застраховать зрителя от предательских слез — чего еще желать?

У ДРАМАТУРГА есть какая-то любимая цепь мотивов, ситуация уже мелькала когда-то, скажем, в грустной комедии «В этом старом милом доме». Там мамаша тоже возвращалась несколько поздновато, и едва не добивалась своих — если не прав, так целей.

Думается, даже не в самой женской измене дело. Вот была какая-то нечестность, какой-то волюнтаристский поступок — было, да бывшем поросло, не так ли?

Не так. Зло не исчезает, не растворяется в мире, его надо побеждать, одолевать — в своей собственной душе. Вот что хочет сказать нам автор.

Ну и как? Удалось это сделать? На всем пространстве пьесы — романа пока победа над злом не состоялась. У нас не отнята надежда, что главный герой одумается, исправится — но очень может быть, что это всего-навсего авторское пожелание.

Между тем главный тутешний антигерой — лицо, социально определенное. Это сильный и жестокий карьерист, тем более сильный, что способен даже растоптать собственное чувство.

Хотя, с другой стороны, он ведь и трус. В юности бросил погибать друга, а теперь буквально отделяется от любимой и любящей жены. В исполнении Г. Тараторкина Соколик сдержан, что называется, пристоен, логика в его словах всегда есть — но чего стоит эта логика, если за ней все тот же животный эгоизм и одно ощущение, страх за себя, за свое благополучие?

Он добился уже немало — какой-то важный пост, хорошая зарплата (на домработницу 120 рублей легко найдется), а квартира так и просто отличная... Но счастлив ли он? И опять надо сказать «нет».

Он живет в очень тяжелом мире. Где все разумные слова способны прикрыть, спрятать страшную пропасть в самом центре вселенной, но не способны закрыть ее по-

настоящему. Любая удача тут ничего не меняет. Он теперь удара ждет всегда — с тех самых пор, как остался единственным среди сверстников без матери.

Вот такой социально-психологический портрет современного карьериста и становится главным в спектакле, поставленном А. В. Мекке. Давние, задолго до начала пьесы заложенные обстоятельства царят здесь безраздельно. Строгий, логичный, благообразный чиновник оказывается паническим трусом, в сущности уже почти полубезумным.

Г. Тараторкин использует время от времени какие-то «достоевские», подпольные интонации, шепот высокий, вроде визга. Но эти сами по себе яркие краски все-таки носят здесь несколько литературный, заемный характер, не вызывая ощущения полной достоверности.

ОСТАЛЬНЫЕ здесь, естественно, растеряны. Тоня, любящая жена Соколика, первая начинает слышать сквозь разумные, убедительные его доводы нечто ужасное. Поэтому она всегда погружена в некую перманентную тревогу. Ее уговаривают, успокаивают, но она успокоиться не в силах. Возможно, само актерское волнение молодой артистки органически сливается с волнением ее героини.

Потому и нехорошо в доме Соколика. Старик Герасим Ермолаевич, живущий здесь из-за одиночества, что-то тоже чувствует фальшивое еще до того, как узнает, что добрый и мягкий к нему Соколик — в сущности, почти убийца его внука. Для чего-то выносит он даже ружье, которое, впрочем, стрелять вовсе не обязано...

Г. Дашевская, исполняющая роль матери, несколько моложе, сильнее и красивей своей героини. Ей говорят, что ее не узнать, что она изменилась, постарела, — перед нами сильная, привлекательная женщина, чья тайна придает ей этаким inferнальным блеск. Когда ей бы надо на мгновение вернуть себе красоту, ничего чудесного не происходит: она остается такой же, какой мы привыкли ее видеть.

Егор, «сводный двоюродный брат» Тони (такая степень родства, чтобы не мешала любви) в исполнении В. Сторожики, вроде бы, спортивный, ладный молодой человек. Но его шитый белыми нитками секрет — он любит свою «сводную двоюродную сестру» — показывает, что никакой он не сильный. Он ведь согласен на то, что бывает вместо любви, — лишь бы вернуть Тоню.

ГЕРОИ не все обязаны играть сами. Многое важное за них расскажет А. Адоскин в роли повествователя. Он мягок, интеллигентен и, что самое здесь главное, не всесилен. Казалось бы, автор — хозяин судеб персонажей, не так ли?

Нет, совсем не так. Он вместе с нами растерян, избыток знания о прошлом и немного о будущем — все его преимущество, а так он только дирижирует нашими сомнениями, нашей надеждой.

И видимо, этот сторонний для сюжета человек и становится вдруг самым живым. Его трепетность, его лиризм, его даже одиночество в мире персонажей — вот, пожалуй, несколько неожиданный эмоциональный центр спектакля.

Роман — жанр эпический, пьеса — драматический. Не названным остается самый действенный мотив — лирический.

Мы можем сомневаться, верно ли указаны психологические корни сегодняшнего карьеризма, хотя в самом общем виде какой-то страх тут присутствует; и то, что мы над этим задумались, — заслуга автора и театра. Мы можем не во всем согласиться с подбором обстоятельств, иногда выглядящим несколько нарочито. Но тревога и грусть драматурга нам передаются и заставляют заново искать все новые и новые ответы на вопросы, которые ставит жизнь.

М. АРГУС.